

МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ И МЕРА СВОБОДЫ

Вопрос о служении, социальном служении неразрывно связан с вопросом о предназначении и ответственности всех тех, кто так или иначе способен влиять, или даже всего лишь может повлиять на кого-то, кроме себя самого. Это педагоги и чиновники, священнослужители и служители муз, милиционеры и медработники, и др.

Сегодня мы всё больше утверждаемся в том, что есть два пути развития современной культуры – путь человека и путь зверя. И некоторая степень «озверения» соотечественников пугает почти всех, по крайней мере, многие готовы повторить вслед за героиней Е. Соловей из давнего советского фильма: «Вы - звери, господа... Господа, Вы - звери...». Другой вопрос, какую лепту, и на какую чашу весов кладет каждый из нас. Если обратиться к кинематографу, то одни, как Павел Лунгин, снимают «Остров», где показывают подвиг духовного спасения, а другие - «Эйфорию», где сосредотачиваются на мерзостях современников.

Одни считают, что человек сегодня не представим без мата, так как «мат – это очень сильные энергетические слова... та маленькая поддержка персонажа, чтобы он был реальным» (И. Вырыпаев) [19, с. 11]. Другие полагают, что человек не представим без обращения к молитве (герой П. Мамонова в фильме «Остров»). Иногда кажется, что кто-то целенаправленно на протяжении последних 20 лет вводит в повседневный обиход слова, которые раньше не в каждой сугубо мужской компании свободно обращались. Матерятся женщины и дети, причём последние «на ём не ругаются, они им разговаривают». При этом «служители муз», будто соревнуются, кто грязнее выругается. Словно они забыли слова В.С. Соловьёва, о том, что смысл и цель искусства - это воплощение идеала, показ не того какова жизнь есть, а того какова она должна быть: «Совершенное искусство в своей окончательной зада-

че должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, – должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [14, с. 404].

Правда, при упоминании фамилии Соловьёв нынешнему обывателю скорее вспомнится крепко сбитый телеведущий с канала НТВ, чем великий русский философ, бывший властителем дум в конце XIX – начале XX века. Тот В.С. Соловьёв был человеком скромным, «пиара» не любил, писал книги со странным для сегодняшнего читателя названиями (например, «Оправдание добра»). Телевизионный же Владимир Соловьёв «скромен» до самозабвения: позволяет гостям, приглашенным на его ток-шоу, вставлять короткие фразы в перерыве между его пространными монологами-вопросами; называет свои книги «Евангелие от Владимира: в двух томах».

Как актуальны в наши дни слова святого Иоанна Кронштадтского: «Знать не хотят, да и верить не желают; верят только в себя. Ломать и разорять все готовы, ...а созидать ничего не хотят, да и не умеют и не могут. Хотят лишить святой, спасительной веры и церкви народ русский и вместо нее навязать ему свой бред, выдумки своего темного ума, хотят вырвать у русского человека его лучшее неоценимое сокровище – древлепреданную веру, служившую ему оплотом и утешением во всех бедах, напастях и скорбях – и усиливаются навязать ему безверие и безначалие, лишить его всякой почвы и основы под ногами» [6, с. 523].

Невозможно рассуждать об этом, не осознавая, что нет служения без веры. Показательно различное понимание веры у немецкого протестанта теолога Пауля Тиллиха и у русского православного философа Сергея Булгакова.

Вера для Тиллиха – «это состояние предельной заинтересованности» [16, с. 133], это некоторый путь, движение «к», попытка достичь (при этом необязательно Бога). Вера для Булгакова – это знание, момент достижения, уже обретение, обладание знанием

«о», знание абсолютно полное, убедительное и *откровенное*, прежде всего знание о Боге, полученное от самого Бога [См. 1, с. 27-29]. Вера у Тиллиха – я хочу знать, что есть Бог, вера у Булгакова – я знаю, что Бог есть! В первом случае – мы имеем движение и стремление, подстёгнутое любопытством, во втором – мы имеем жизнь, стремящуюся соответствовать постигнутому совершенству. Первый вариант – это жизнь, сравнимая с приключением, второй – с подвигом.

В первом много от *доверия*, а доверие слишком зыбкое основание, чтобы на нём строить свою жизнь, ведь сегодня я доверяю одному, завтра – другому, послезавтра – третьему, и так может длиться бесконечно. В конце концов, доверие – это то, что стоит до веры, это перекладывание ответственности за знание о чём-либо на другого (человека, обладающего авторитетом, либо знанием, книгу, в общем – стороннего): «Я сам не знаю, а вот мои родители (учебники, философские или богословские трактаты, сосед Вася, наконец) знают, что...».

Вот и получается, что такой «доверчивый» сегодня – православный, завтра – кришнаит, а послезавтра – правоверный мусульманин или буддист. Потому, что интерес-то есть, а знаний и убеждений (веры) – нет. Разумеется, во втором случае тоже есть место доверию – к опыту других людей, к знанию других о Боге, появляется возможность объединения, поле совместной трудной работы по совершенствованию себя. Первый путь может привести к эгоизму и индивидуализму, так как я иду к Богу, обретаю его, стремлюсь обладать им, кричу всем: «Идите ко мне, следуйте за мной, учитесь у меня – Я узнал, что есть Бог, Я совершенен!». Второй – ведёт к соборному пониманию необходимости быть вместе, помогать друг другу преодолеть своё несовершенство.

Можно возразить, что есть много иных пониманий веры: веры как уверенности, убеждённости, стремления, доверия. Даже веры как мировоззренческой традиции. Например, Маркус Вольф, многолетний руководитель политической разведки ГДР, в одном из своих последних интервью признался: «...я до сих пор считаю

себя коммунистом. В том смысле, в каком были мои родители. Для меня *это вопрос веры*. Веры в свободу, равенство, братство» [7, с. 15].

Пожалуй, только уповая на укрепленный в вере ум, можно вести сегодня преподавание, особенно дисциплин философского и культурологического цикла. Студенты очень часто «бросаются в крайности»: от безграничного *доверия* к полному нигилизму по отношению к изучаемым философским концепциям культуры различных авторов.

Может быть, одно из самых трудных на этом пути - имя Фридриха Ницше. Его «окружает» множество противоречивых суждений и толкований. Философ - увлеченный и увлекающий, уничиженный и унижающий, искаженный, но и сам искажающий. Как знакомиться с его философией, с его работами, не рискуя впасть в крайности? Как пройти по тонкой грани объективности и необходимости дать собственную оценку?

Ницше по праву считается одним из самых интересных и спорных философов XIX века. Сопоставимый с ним по масштабу, по крайней мере, в мире русской философии – Владимир Соловьев, видится скорее современником Канта, чем Ницше. И это не свидетельство архаичности Соловьева, а подтверждение сверхсовременности, или даже вневременности Ницше. Неслучайно, эти три имени вспоминаются рядом, друг за другом. В Канте воплотилось своеобразие европейской (для нас – западной) философии до Ницше, да и после Ницше тоже. Соловьев осознал возможную самобытность становящейся русской философской традиции.

Весь пафос западной философии – *в критике*, чтобы создать новое, надо разрушить, подвергнуть уничижительной критике старое. Старое – это бывшее, отжившее, мешающее жить. Его надо оставить позади, преодолеть. Только возникающее лучше того, что, наверное, уже умирает. Молодость лучше, чем старость, внуки умнее дедов. Традиция признается, но как архаика, как миф, как

нечто, что мы признаем, но вряд ли соблюдаем в ее полноте. Ведь именно на Западе (в Европе) рождается марксизм, так «блестяще» доведенный до абсурда в нашей стране. «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног», - самозабвенно пели увлеченные строители нового общества. Бедные «метафизики», они не знали, что продолжают путь заблуждения начатого Протагором (об этом нам напомнил Мартин Хайдеггер – см. «Что такое метафизика?» [18] и «Европейский нигилизм» [17]).

Соловьев, почти гениально, а скорее мистически, простым названием «Оправдание добра» сказал почти всё о своей, да и обо всей русской философии (в России – до 1917 года, а в эмиграции и много дольше того). *Оправдание* - вот главный метод русского философствования. Не разрушать прошлое, созидая настоящее, а паче того - будущее, а оправдать, т.е. понять, осмыслить и взять все самое лучшее и ценное с собой в будущую жизнь, в будущую философию. А что нельзя взять с собой, то простить и оставить в прошлом. И в этом заключается главный пафос и главное предназначение русского народа и русской культуры.

Если верить И.В. Кондакову, что слово в России стоит не только раньше всякого дела, но и определяет его [См. 5], то жаль, что В.С. Соловьевым не были написаны ожидаемые «Оправдание истины» и «Оправдание красоты». Позже это понимание «подхватит» Н.А. Бердяев, в том числе и в названии: «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». Правда, здесь *оправдание* уже уходит в подзаголовок. Может быть потому, что прощать Бердяев почти не умеет? Чего стоит одна только история его ссоры с Иваном Ильиным.

Ницше стоит особняком в истории западной философии, он не вписывался в общепринятые представления о том, что он сам пренебрежительно называл «профессорской философией». Неслучайно, Куно Фишер, автор популярной в свое время истории новой философии, не включал Ницше в число рассматриваемых им европейских философов [См. 3, с.13].

Ницше - тоже критик, более того, он подвергает

уничижительной критике современный мир, кризисное состояние европейской культуры, представление о европейской цивилизации как высшей стадии развития человеческой культуры. Но выход из кризиса он видит не впереди (по крайней мере, для человека), а в отсутствии такого выхода для современной культуры, стоящей на основаниях религиозной морали. Лучшие дни, пик европейской культуры - в прошлом, которого мы, пожалуй, и не знали. Это прошлое – Греция и греческая досократическая, трагическая культура.

Сегодняшний философский дискурс на Западе невозможен без философии Ницше. Его личность привлекала внимание таких мыслителей, как К. Ясперс, М. Хайдеггер, Э. Фромм, Ж. Делёз и др.

Основные проблемы преподавания лежат в необходимости систематизации творчества философа, если и не отвергавшего системность философствования, то, по крайней мере, и не увлеченного ею. Нельзя сказать, что книги Ницше - это собрание афоризмов, хотя он сам и называл свой стиль изложения афористичным, это - «поток сознания», но поток тщательно контролируемый, и разделенный на множество фрагментов самостоятельных и взаимосвязанных, в то же время самодостаточных в своей законченности.

Поэтому повторить его манеру изложения почти никому не удавалось. Пытавшийся совершить такой опыт под влиянием и обаянием Ницше Лев Шестов потерпел, как мне кажется, крах (или более мягко – неудачу). Его книга «Апофеоз беспочвенности» читается и понимается только в случае постепенного следования от начала к завершению. Ближе всех к искомому подошел ненавистник Ницше В.В. Розанов в своих множественных «Опавших листьях», «Уединенном» и некоторых других работах. Розанов странно, иногда от противного, вторит Ницше. Ницше «кричит» на весь мир о своей гениальности, Розанов скромно молчит, но в собственной исключительности уверен. Ницше громогласно заявляет о ненависти к церкви и неприятию Христа, Розанов говорит о сладости ночных богослужений, о стоянии со свечкою, но Христа не

приемлет до конца (на это справедливо указал А.Д. Синаевский [См. 13]). Ницше утверждает, что любовь - это эгоизм, и нужно гнать от себя любящих, о трагичности жизни, Розанов проповедует семейные ценности, но признает: «Я говорил о браке, браке, браке... а ко мне все шла смерть, смерть, смерть...» [12, с. 265].

Главные темы Ницше в понимании философии культуры определяются: *во-первых*, заострением внимания на самих проблемах культуры как сущностных для человека. «Культура - это лишь только тоненькая яблочная скорлупа над раскалённым хаосом» [8, с. 767], - писал Фридрих Ницше в своей книге «Злая мудрость». Знаменательно, что в советском «Философском энциклопедическом словаре» отсчёт существования самой философии культуры «как философского осмысления разных стадий существования человеческой культуры» [16, с. 734] предлагалось вести от Ницше и русских славянофилов; *во-вторых*, проблемы творчества и творческой личности, идея вечного возвращения; *в-третьих*, тема сверхчеловека, его эволюции из рода человеческого; *в-четвертых*, аморализм и критика религиозной морали (христианской в первую очередь); *в-пятых*, критика современной культуры, европейской по существу.

Отношение к Ницше в России было различным, но практически все сколько-нибудь значимые мыслители обращались к книгам или к личности немецкого пророка-философа. Среди них - упоминавшиеся уже Соловьев и Шестов, Андрей Белый и Дмитрий Мережковский, Вячеслав Иванов и Василий Розанов и др. Может быть, самой уничижительной оценки «удостоил» немецкого философа Розанов: «Увлечение Ницше (у русских) от того, что он иностранец, да к тому же страдающий (больной). Будь он русский и заговори в том же духе - вовсе не стали бы читать и сказали, что мерзавец» [12, с. 231]. Самому Розанову, наверное, трудно понять Ницше - потому, что тот немец и к тому же больной. Действительно, вопрос о душевном здоровье немецкого философа постоянно возникает вновь и вновь. Людям трудно смириться с творцами

«неприятных истин», но доверимся здесь одному из самых авторитетных интерпретаторов и исследователей творчества Ницше – Карлу Ясперсу, утверждавшему, что до 27 декабря 1888 года свидетельств безумия или психической болезни у Ницше нет [20, с. 161–174].

Обращение сегодня к Ницше и его философии, это обращение к некоторому источнику, напитавшему современное общество самыми разными соками, как живительными, так, возможно, и сомнительного свойства.

В чём ещё проявляется это скатывание к «пути зверя» в сию пору? В разнообразных примерах - от примитивного обращения только лишь к одной телесности и чувственности («Купи пива и радуйся!») до выстраивания целой новой философии жизни. Последняя учит новому бегству из города, от цивилизации в социализацию, от урбанизации к «таунхаузизации»: «Уезжайте из города, в пригород. Селитесь в коттеджных посёлках, внутри города образуйте кондоминимумы и отгораживайтесь от всех». Город воспринимается как сосредоточие всех мыслимых и немыслимых пороков. Город - враждебная территория, с одной стороны, это крайне индивидуализированное пространство, а с другой – место, где никогда нельзя остаться одному.

В городе мы видим проявление того, что можно назвать агрессией чувств. Публичное проявление крайних форм эмоциональных реакций: будь то радость, любовь или ненависть и горе, стало почти нормой. Демонстративный разговор по телефону, игнорирование окружающих при встрече друзей и подруг сегодня стали, скорее правилом, чем исключением из него.

Всё больше и больше появляется неоязыческих настроений, от эпатажных и в этом смысле почти «невинных», до каких-то неведомо откуда вышедших «волхвов» [11]. Активно взялись за разработку языческой темы и писатели. Особенно выделяются писатели-фантасты, пишущие в жанрах фэнтези и «альтернативной»

истории. Чаще всего это приводит к антихристианским, в лучшем случае, аллюзиям, а то и к прямым нападкам и издёвкам.

В качестве примера можно взять творчество лидеров тиражей Николая Перумова и Андрея Валентинова. Перумов в своём многотомном цикле «Хранитель мечей» в качестве одних из главных отрицательных персонажей выводит Инквизицию, Святой Престол и монахов, а довершает всё образ сверхъестественной Сущности, хуже которой нет, и против которой объединяются все главные герои (и люди, и Боги – богов в сочинениях Перумова чуть меньше, чем в индуизме). Зовут эту «мерзкую» Сущность – Спаситель, не больше, но и не меньше. Если читать текст и те характеристики, что даёт «Спасителю» Перумов, сомнений не остаётся, кого в действительности имеет он в виду и с Образа чьего списывает образ «Спасителя», наделяя его, естественно, самыми уничижительными характеристиками. Борются против «Спасителя» любимые герои Перумова – некромант, маги, волшебницы, два названных брата Ракот и Хедин (когда-то маги, а теперь просто – Боги), предатель-инквизитор и др. Любопытно, что один (кстати, *Один* здесь тоже есть) из братьев-богов Ракот носит титул «Владыка Тьмы». Публикуется всё это значительными тиражами, так только последняя часть четвёртого тома «Войны мага» издана в количестве 200 100 экземпляров [10].

Сочинения Андрея Валентинова имеют меньший тираж (книга «Ангел Спартака» – 5 100 экземпляров), но они достаточно часто печатаются разными издательствами, компенсируя «недостаток». Автор пишет в жанре крипто-истории и альтернативной фантастики. В последнем романе «Ангел Спартака», главный герой совсем не Спартак, а Папия Муцила, внучка консула и её Учитель.

Самым интересным представляется образ этого Учителя. Кто он? Сын Бога, Ангел Божий, Светозарный Ангел, восставший некогда против Отца, и штурмовавший Его Престол, распорядитель Смерти, и несущий смерть... Достаточно? Умный поймёт...

Этот учитель почему-то всё время говорит со своей ученицей новозаветными притчами, часто, правда, изменяя их конец. И тихо ненавидит своего неразумного младшего брата, который ещё только должен прийти и хочет спасти «человеков», которых Учитель зовёт «обезьянами» и ненавидит их «очень громко». Учитель хороший, потому что справедливый, и «человеков» не наказывает зря, а сначала искушает и заставляет забыть заповеди своего Отца, а уж потом...[2]. Вот такие «милые» неоязыческие и антихристианские тексты.

Большинство такого рода авторов открыто признаются в своём атеизме. Но они не просто атеисты, они открыто борются с религиозными основаниями общества, а зачастую и с нравственными началами человеческой жизни тоже.

К сожалению, другие наши современники полагают нужным отрешиваться от своей связанности с общерелигиозными задачами, и даже совершив благое и вполне религиозное дело, тут же заявляют, что ничего подобного они и в мыслях не держали. Печальным подтверждением тому может служить упоминавшийся мною как пример положительный – Павел Лунгин. На передаче «Школа злословия» (НТВ) он был, в общем, обласкан ведущими А. Смирновой и Т. Толстой. Но в самом конце передачи под строгим оком Т. Толстой на её вопрос «Но ведь это же не церковный фильм?», режиссёр дал неожиданный ответ. По его словам, фильм не о Церкви, ничего церковного он и не имел в виду, сама Церковь никакого публичного одобрения не высказывала. После чего удовлетворённая Т. Толстая сказала: «Ну и, слава Богу (или – богу?!» [9].

Прав был И.А. Ильин, когда утверждал, что современные люди «...ожесточились в отрицании духа и любви, ...создали воинствующий мировой центр, хотящий словом и примером, лукавством и преступлением, мукой, нищетой, страхом и кровью навязать всему человечеству уклад бездуховный и противолюбовный, навязать всем людям слепоту безбожия и ожесточенность в этой слепоте» [4, с. 344]. Человек же безбожный, считал Ильин, не способен

по природе своей к созиданию и творчеству, он способен только к разрушению и критике. Лишь человек, имеющий веру и твёрдые основания, подлинно свободен. Он может создавать новое, не бывшее, не существовавшее ранее, так как ему не надо оглядываться назад и тратить силы на разрушение существующего.

Список литературы

1. *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения.— М.: Республика, 1994.
2. *Валентинов А.* Ангел Спартак: Роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 448 с.
3. *Галеви Д.* Жизнь Фридриха Ницше.— Новосибирск: ВО «Наука», 1992.
4. *Ильин И.А.* Кризис безбожия // Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1.— М.: Русская книга, 1993. С. 333-358.
5. *Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры (теоретический очерк). - М.: Наука, 1994.
6. *Кронштадтский И.* Св. Александр Невский — обличитель Л. Толстого и его последователей // Кронштадтский И. Христианская философия: Избранные работы.— М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Terra Fantastica, 2004.
7. *Маркус Вольф.* Последний портрет разведчика // Литературная газета. 2006. № 48. С. 15.
8. *Ницше Ф.* Сочинения: в 2 т. - М., 1990. Т. 1.
9. НТВ. «Школа злословия» — герой П. Лунгин — понедельник, 18 декабря 2006.
10. *Перумов Н.Д.* Война мага. Том 4. Конец игры. Часть вторая: Цикл «Хранитель Мечей». Книга 4 / Ник Перумов.— М.: Эксмо, 2006.— 480 с.: ил.
11. РЕНТВ. Еженедельная программа «Фактор времени» 19.00 .
12. *Розанов В.В.* Уединенное. - М.: Правда, 1990. Т. 2.

13. *Синяевский А.Д.* «Опавшие листья» В.В. Розанова. - М.: Захаров, 1999.
14. *Соловьёв В.С.* Общий смысл искусства // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2.– М.: Мысль, 1990.
15. *Тиллих П.* Динамика веры // Тиллих Пауль. Избранное: Теология культуры / Пер. с англ. – М.: Юрист, 1995.
16. *Философский энциклопедический словарь.*– М.: Советская энциклопедия, 1983.
17. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии.– М.: Прогресс, 1988. С. 261-314.
18. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // Новая технократическая волна на Западе.– М.: Прогресс, 1986. С. 31-44.
19. Цит. по Кондрашов А. Дикий Дон // Литературная газета. 2006. № 48. С. 11.
20. *Ясперс К.* Ницше. Введение в понимание его философствования. - СПб.: «Владимир Даль», 2004.